

Будаев Э. В.
Нижний Тагил, Россия

**«МОГУТ ЛИ МЕТАФОРЫ УБИВАТЬ?»:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ**

Abstract

The paper reviews a number of researches into persuasive power of metaphors in political discourse and distinguishes the basic approaches to the analysis of the phenomenon: 1) psycholinguistic methodologies, 2) linguo-cultural analysis 3) content-analysis. It is argued that despite a set of nowadays tools of research the pragmatic problematic is one of the most little-studied areas of political metaphorology, and theses concerning persuasion power of political metaphors are often based on speculative assumption than empirical data.

В современной политической лингвистике теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1993] получила заслуженное признание и популярность: на сегодняшний момент едва ли возможна исчерпывающая библиография когнитивных исследований политической метафорики, развивающих названную теорию. Вместе с тем очевидно, что прагматика когнитивной метафоры в политической коммуникации значительно менее разработанный вопрос, нежели ее семантика. Большинство исследований политической метафоры семантически ориентированы, и если речь идет о прагматическом измерении рассматриваемого феномена, то специалисты предпочитают писать о «прагматическом потенциале» метафоры, но не о ее «прагматическом эффекте».

Наиболее известное исследование когнитивной метафорики в области политической коммуникации было проведено самим Дж. Лакоффом на примере анализа метафорических средств оправдания первой войны в Персидском заливе в американском политическом дискурсе [Lakoff 1991]. Свое видение прагматического аспекта политической метафорики автор выразил достаточно ясно: «Metaphors can kill» («Метафоры могут убивать»). Разумеется, что это тоже метафора, и речь идет о влиянии метафор на сознание рядовых американцев в сложной цепи причинно-следственных связей, приведших к военной кампании. Вместе с тем «оправдание» определенного сценария развития ситуации посредством метафор, еще не означает реального убеждения. Если учитывать, что многие американцы не поддержали военную операцию в Ираке, то становится ясно, что речь идет скорее о моральном самооправдании власти, чем об успешной тотальной суггестии американской нации.

Механизмы прагматического воздействия политической метафорики рассматривались в работах многих исследователей, и предложенные специалистами теоретические объяснения последовательны и убедительны [Баранов 1991, 2004; Чудинов 2001, 2003; Ausmus 1998; Belt 2003;

Bosman 1987; Charteris-Black 2004; Chilton 1993; Lakoff 2004; Mio 1996; Zinken 2002]. Вместе с тем практических изысканий, направленных на эмпирическое доказательство эффективности этих механизмов, не так уж много. Основная проблема заключается в том, что собственно лингвистическими методами вопрос об эффективности метафорического воздействия решить невозможно, и поэтому лингвисты вынуждены обращаться к междисциплинарным эвристикам в рамках широко понимаемого дискурс-анализа или использовать гипотетические допущения (что совсем не означает, что эти допущения не верны). Так или иначе, научный подход к осмыслению явлений действительности требует дедуктивной проверки тех гипотетических положений, верификация которых возможна.

В современной политической лингвистике нашли применение три подхода к изучению прагматики политической метафорики. К ним относятся психолингвистические методики, контент-анализ и лингвокультурологические эвристики.

Психолингвистические методики. Исследования в этом направлении очень важны при рассмотрении прагматических эффектов. Анализ метафор в политическом дискурсе позволяет реконструировать концептуальные структуры в сознании адресанта коммуникации или выявить его интенции, но для того, чтобы определить степень эффективности использования этих метафор, выяснить реализуется ли заложенный в метафорах прагматический потенциал, необходимо непосредственно обратиться к изучению сознания адресата. Так как большинство граждан непосредственного участия в порождении собственно политического или медийного дискурса не участвует, материалом для анализа становятся данные, полученные в результате специальных экспериментов, чаще всего опроса, анкетирования.

Примером такого исследования может служить работа Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman, Hagendoorn 1991]. В первой части эксперимента описывалась относительная эффективность метафорических и буквальных политических сообщений. Участники эксперимента читали неметафорическое и метафорическое описание расистской политической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о политике этой партии и возможных путях противодействия этой политике. Обработав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи, предлагаемые участниками эксперимента, но неметафорические выражения не менее эффективны.

Очень показательно исследование Т. Белта [Belt 2003], который, основываясь на результатах 4 специальных экспериментов, продемонстрировал, что метафоры убедительны не сами по себе, а только во

взаимодействии с определенными характеристиками аудитории: расстановкой приоритетов в системе социальных ценностей адресатов коммуникации, а также индивидуальным эмоциональным отношением к метафорическому выражению.

Примером использования психолингвистической методики изучения политических метафор может служить исследование В. Харди [Hardy 2003]. Автор провел анкетирование американских граждан на предмет их отношения к законопроекту об ограничении образования на испанском языке и установлении английского языка в качестве единственного официального языка штата Калифорния. Используя полученные данные, В. Харди выявил, что при концептуализации жителей штата Калифорнии – латиноамериканцев по происхождению – сторонники этого закона использовали метафоры войны, водных потоков и концептуальную метафору «Американская нация – это ткань» (ткань может порваться, если многие нити будут другого состава, размера и качества). Названное исследование позволило показать важную роль метафоры в осмыслении политических проблем рядовыми гражданами и вместе с тем продемонстрировало, что метафорическое представление о действительности среди рядовых граждан во многом совпадает с картиной мира, предлагаемой в СМИ. Это совпадение может служить подтверждением того, что метафоры СМИ формируют картину мира рядовых граждан. Вместе с тем механизм этого совпадения можно объяснить и тем, что создатели политических текстов являются членами определенного социокультурного сообщества и отражают в метафорах картину мира, сложившуюся в данном обществе.

Психолингвистические методы исследования метафорики позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, определенными социальными группами, что недоступно при традиционном анализе политического дискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Таким образом, изыскания в этом направлении позволяют скорректировать гипотетические предположения, иногда принимаемые как само собой разумеющееся.

Контент-анализ. Становление и развитие метода контент-анализа применительно к политической коммуникации связано с работами А. Грея, Дж. Гольдсена, Д. Каплана, Г. Лассвелла, Н. Лейтеса, С. Якобсона и др. [см. Language...1949.]. При использовании этого метода ученые ориентируются на количественные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Основная задача таких исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием по-

литического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме.

Знаменательным исследованием, выполненным в рамках контент-анализа, стала опубликованная в 1991 г. работа Х. де Ландтсхеер, в которой на примере анализа голландского политического дискурса было доказано, что в периоды политических и экономических кризисов значительно возрастает количество политических метафор [Landsheer 1991]. Впоследствии Х. де Ландтсхеер и ее коллеги, сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что количество метафор в СМИ увеличивается в предвыборный период [Vertessen, Landsheer 2005]. Полученные с помощью контент-анализа данные позволили математически доказать тезис о том, что метафора является способом преодоления проблемных ситуаций и средством воздействия на процесс принятия решений.

К заметным исследованиям последних лет, выполненным в рамках контент-анализа, относится публикация О. Байшы и К. Халлахана [Baysha, Hallahan 2001]. Предметом изучения стал корпус, состоящий из 829 медиатекстов, посвященных украинским политическим событиям 2000–2001 гг. Указывая на значительные идеологические разногласия в украинских СМИ, авторы выделяют два общих способа воздействия на массовое сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. Доминирующее место в реализации обоих способов в политическом дискурсе отводится метафоре.

Среди исследований по прагматике политической метафорики, выполненных с применением контент-анализа, выделяются оригинальные работы американского ученого Р. Д. Андерсона, посвященные роли метафоры в процессах демократизации общества [Anderson 2001, 2002a, 2002b]. По мнению автора, истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. По Р. Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р. Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор. Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р. Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти, а на смену «вертикальным» метафорам приходят «горизонтальные», цветковые метафоры, метафоры сторон и др.

Полученные Р. Д. Андерсоном результаты показательны, но их еще не достаточно для выводов о прагматике политических метафор. Смена метафор может быть только отражением общественных процессов, интериоризованных и переработанных сознанием членов социума. При другом подходе метафора не отражает, но побуждает к принятию нового решения, направлена на переконцептуализацию политической картины мира в сознании адресата, предшествует общественным изменениям.

Р. Д. Андерсон делает акцент на второй точке зрения и предлагает ей теоретическое обоснование. Исследователь проводит историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах, что позволяет усомниться в экономическом детерминизме общественных преобразований. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Для опровержения этого тезиса необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Требование эмпирической верификации гипотетических положений опирается на методы точных наук и экспериментальное знание. Необходимость междисциплинарного изучения прагматических исследований очевидна, но рассмотренные методы не исчерпывают эвристических возможностей современной политической метафорологии. В арсенале гуманитарных наук существуют и другие методики, позволяющие с достаточной долей достоверности получать научное знание. Ведущее место среди них занимает лингвокультурологический подход к анализу политической метафорологии, под которым здесь будет пониматься не только направление в современной российской лингвистике, но и ряд схожих подходов в зарубежной науке, изучающих прагматические аспекты политической метафорологии в контексте культуры.

Лингвокультурологический подход. Сущность лингвокультурологического подхода к анализу политической метафорики можно выразить словами Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон 1990: 404].

Очевидно, что убеждающий эффект метафоры связан с актуализацией отдельных сегментов концептуальных структур в сознании адресата политической коммуникации, а сами эти структуры формируются в процессе формирования языковой личности в семиотическом пространстве определенной культуры. Поэтому даже с крайне скептических позиций нельзя отрицать тот факт, что прагматический эффект метафор, несогласованных с определенной культурой, а значит и с концептосферой определенного лингвокультурного сообщества, ничтожен. Наоборот, если прагматический эффект в принципе возможен, в чем едва ли кто-то сомневается, то он должен основываться на лингвокультурном опыте определенного социума. В этом заключается эвристический потенциал лингвокультурологического подхода, позволяющий получать достоверное знание о прагматических аспектах политической метафорики без использования процедур позитивистского характера.

Культурный коррелят прагматического измерения метафоры рельефно проявляется при межкультурном сопоставлении. К примеру, если в США президента принято сравнивать с менеджером, то в России глава государства осмысливается в понятиях системы монархической власти [Чудинов 2003, Каслова 2003]. Неудивительно, что при выборе милитарной метафоры американские журналисты отдадут предпочтение концептам «команчи», «сиу», «апачи» или «ковбои» [Carpenter 1990; Lule 2004], а итальянские задействуют метафору «карабинеры» [Scolari 2003]. Если россияне склонны видеть в системе российской государственной власти «уделы», «княжества» и «воеводства», то жители британских островов описывают ту же реальность в понятиях «ленов», «феодов» и «бенефициариев» [Будаев 2006].

В период югославского кризиса сербские СМИ метафорически представляли сопротивление силам НАТО через образы борьбы *югославских партизан с фашистами* или *битвы на Косовом поле*, в США же эту ситуацию осмыслили через метафоры *американской кавалерии*, умиряющей *диких индейцев* [Kennedy 2001] и т.д.

Отдельный интерес представляет анализ прагматических неудач, связанных с использованием в политическом дискурсе креативных метафор (*creative metaphors*). Исследователи политической метафоры сходятся во мнении, что политическая метафора – значимый инстру-

мент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества.

В этом отношении показательна работа П. Друлака [Drulak 2005], в которой автор анализирует кризис словацко-чешских отношений накануне распада Чехословакии. В 1991 г. чешский премьер-министр Петр Питхарт, пытаясь ослабить националистические разногласия, выступил по телевидению с речью, в которой он признал, что в прошлом к словакам относились не совсем справедливо, и предположил, что обе нации могли бы в будущем жить в своего рода «двойном доме» (DVOJ DOMEK). Метафора «двойного дома», не использовавшаяся до этого в чехословацком политическом дискурсе, вызвала бурные споры, а менее чем через год лидеры Чехии и Словакии пришли к решению о невозможности дальнейшего сосуществования в рамках одного государства. Следуя за П. Чилтоном и Дж.Лакоффом, исследователь отмечает, что метафора дома как контейнера с четким разграничением внутреннего и внешнего пространств доминировала в осмыслении государства на протяжении столетий. Предложенный политиком концепт должен был стать альтернативой представлению о едином чешском доме или двух отдельных домах для каждой нации, но П. Питхарт не смог объяснить, как выглядит такой «двойной дом», поэтому ни чехи, ни словаки ее просто не поняли и предпочли прототипический вариант собственного дома для каждой нации.

Лингвокультурологические исследования имеют еще одно немаловажное преимущество. Уже упоминавшаяся работа Дж. Лакоффа начинается фразой *Metaphors can kill*. Если метафора не просто фигура речи, а механизм нашего мышления, то она, действительно, играет довольно значимую роль в мире политики, а метафоры не только «могут убивать», но и примирять или, по крайней мере, могут помочь избежать конфликта. В этом контексте исследования прагматики политических метафор в межкультурном контексте содержит в себе значимый гуманистический смысл.

В настоящей статье выделены три основных исследовательских подхода к изучению прагматики метафор, что не означает, что прагматическая проблематика не рассматривается с других методологических позиций. Почти любое исследование политической метафоры предваряется обоснованием актуальности научных изысканий, в котором отмечается важная роль метафоры в манипуляции общественным мнением, но в большинстве публикаций по политической метафорике изучение собственно прагматических явлений не является первоочередной задачей.

Рассмотрение методологических оснований исследования показывает, что изучение прагматики политической метафоры неизбежно носит интердисциплинарный характер. С одной стороны, метафоры отражают национальное сознание (подсознательное) и соответственно анализ метафор – это анализ концептосферы определенного сообщества. С другой – прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. В действительности метафорическое отражение национальной картины мира и прагматически ориентированное конструирование метафорической модели мира для достижения определенных целей диалектически взаимосвязаны, поэтому прагматическая проблематика неразрывно связана с решением вопросов, относящихся к области психологии, дискурс-анализа, лингвокультурологии и когнитивной семантики.

На современном этапе развития лингвистики сформировалась система методов, предоставляющая инструментарий для решения вопросов прагматики метафор, используемых в политическом дискурсе. Вместе с тем прагматическая проблематика остается одной из самых малоизученных областей политической метафорологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004
- Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российской и британской прессе: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
- Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / УрГПУ. – Екатеринбург, 2001.
- Anderson R.D., Jr. The Causal Power of Metaphor in Politics // www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/MetaphorsCauses.htm – 2002a.
- Anderson R.D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm> – 2001.
- Anderson R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm> – 2002b.
- Ausmus W. Pragmatic Uses of Metaphor: Models and Metaphor in the Nuclear Winter Scenario // Communication Monographs. – 1998. – Vol. 65. – № 1.
- Baysha O., Hallahan K. Media framing of the Ukrainian political crisis, 2000-2001 // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5. – № 2.

- Belt T.L. Metaphor and political persuasion. – Los Angeles, 2003.
- Bosman J. Persuasive effects of political metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. – 1987. – Vol. 2. – № 2.
- Bosman J., Hagendoorn L. Effects of literal and metaphorical persuasive messages // Metaphor and Symbolic Activity. – 1991. – Vol. 6(4).
- Carpenter R.H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. – 1990. – Vol. 76.
- Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2004.
- Chilton P. "La plaie qu'il convient de fermer ...": Les metaphores du discours raciste // Journal of Pragmatics. – 1993. – Vol. 21(6).
- Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts. – Washington, 2003.
- Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, 2004.
- Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm – 1991.
- Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. – Cambridge, 1993.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.
- Language of Politics: Studies in Quantitative semantics. – New York, 1949.
- Landsheer Ch., de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4.
- Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5. – № 2.
- Mio J.S. Metaphor, Politics, and Persuasion // Metaphor: Implications and Applications. – Mahwah, 1996.
- Scolari C.A. La zona roja: Invasión, espacio y conflicto durante el vértice del G8 en Génova // Sphera Pública. – 2003. – № 3.
- Vertessen D., Landsheer Ch., de. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk /ecpr/events/jointsessions/paperarchive /granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.
- Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld, 2002.

© Будаев Э.В., 2006

Будаев Э.В., Чудинов А.П.

Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Abstract

The paper analyses the genesis of political linguistics and the basic stages of its evolution against the historical and socio-political background. It is argued that starting with World War One international challenges predetermined the forming of political linguistics as a separate discipline. Nowadays the development of this trend is characterized by the expansion of methodologies and peculiarities of national research approaches.
